

Владимир Невежин

Образы европейцев в застольных речах И. В. Сталина

*«... я не европеец, а обрусевший грузин-азиат»
Из застольной речи И. В. Сталина
7 ноября 1937 г.*

Когда пытаются дать качественную оценку Сталина как правителя, порой ставят его на одну доску с деспотами далекого средневековья, например, с Чингисханом, Иваном Грозным или даже с Тамерланом (Тимуром). Любое сравнение «хромает», не является окончательным доводом, но в данном случае можно понять цель подобных аналогий. Здесь прослеживается тенденция отнести и менталитет самого Сталина, и характер создававшегося им в 1930-е – начале 1950-х гг. в СССР режима государственной власти к категориям азиатского, но никак не европейского порядка.

В этой связи несомненный интерес представляет раскрытие практически не исследованной темы о специфике восприятия Сталиным европейцев в период, когда он находился на пике своей политической карьеры. Советский Союз со второй половины 1930-х гг. стал играть все более важную роль в европейской политике, а советское руководство во главе со Сталиным принимало активное участие в решении (и создании) ряда европейских проблем. С особой силой данная тенденция проявилась во время II Мировой войны и в послевоенный период.

В данной статье делается попытка осветить вопрос о том, какие именно ассоциации и аналогии возникали у Сталина, политика и человека, при осмыслении различных аспектов исторического прошлого европейских народов, современных

ему европейских событий; при характеристике тех качеств, которые, как он считал, были присущи европейцам.

«Образ другого» – это сложное понятие, которое трудно осмыслить вне глубокого исторического контекста. Процесс его возникновения в определяющей степени зависит от состояния общественного сознания в целом и мировоззрения каждого отдельного индивидуума в частности. Представления об иных народах, как проживающих в пределах определенного государства, так и за его границами, именуются «этническими представлениями» или «этническими стереотипами». Подробно проследить эволюцию сталинского восприятия «образа другого» и формирования в его сознании этнических стереотипов на примере отношения к европейцам затруднительно, поскольку сведения по данному сюжету скудны и отрывочны.

Но можно выделить два основных направления, важных для решения сформулированной задачи. Во-первых, будучи публичным политиком, Сталин воспринимал европейцев главным образом через призму текущего «политического момента». Во-вторых, как человек, большую часть сознательной жизни прошедший в российской среде, обретший «тождество с русской нацией»¹, на бытовом уровне он относился ко всему «европейскому» с определенной долей иронии, а порой и с откровенным скептицизмом.

Имеются многочисленные исторические источники, с помощью которых можно попытаться выяснить, какие образы европейцев складывались либо превалировали в сознании Сталина как государственного, политического и военного деятеля. Это и документы внешней политики, и переписка «вождя», и обширная мемуарная литература, где определена степень его участия в разрешении ряда международных проблем и, наконец, записи его бесед с видными представителями западной интеллектуальной элиты, европейскими политиками и дипломатами. Все эти источники постоянно изучаются и, несомненно, представляют большую ценность для раскрытия темы, сформулированной в данной статье.

В то же время историкам известны *застольные речи* И.В. Сталина, но они остаются практически не изученными в качестве исторического источника. В ряду разнообразных устных

¹ Такер Р. *Сталин. Путь к власти. 1879 – 1929. История и личность.* – М., 1991. – С. 137.

выступлений советского вождя содержание этих речей, как представляется, остается недооцененным. Между тем, их сохранившиеся записи могут дать важную информацию, приблизить нас к пониманию особенностей сталинского мышления в процессе восприятия окружающего мира. Непринужденная атмосфера, характерная для сталинских застолий, куда в качестве гостей помимо людей из ближайшего окружения приглашались известные европейские политики, дипломаты, военные деятели, располагала к большей открытости аудитории, а самого Сталина – к таким откровенным высказываниям, которые были невозможны в официальных речах и выступлениях (на партийных съездах и пленумах, на совещаниях в ЦК ВКП(б)). Опираясь на сохранившиеся записи застольных речей Сталина, можно попытаться более глубоко и всесторонне проанализировать его субъективные черты как публичного политика и человека с присущими ему привычками, достоинствами и недостатками, симпатиями и антипатиями, в том числе – в отношении европейцев.

Основываясь на постулатах советского и постсоветского источниковедения, трудно отнести застольные речи к какому-либо из известных комплексов исторических источников. Внести некоторую ясность можно, если мы обратимся к этимологии данного понятия. В русском языке прилагательное «застольные» происходит от существительного «застолье», что означает действие, происходящее за накрытым столом, где подаются угощения и спиртные напитки. «Главными героями» застолья являются сидящие за накрытым столом². В свою очередь, существительное «речи» можно истолковать как «разговоры, беседы»³. Во время застолий их участники не только вступают в диалог, но и провозглашают тосты, т. е. краткие речи, в которых звучит пожелание чего-либо или предложение выпить за кого-то, что-то⁴.

Таким образом, на основании этимологии термина «застольные речи» применительно к сталинским выступлениям к их числу можно отнести: тосты, монологи, беседы Сталина во время обедов и ужинов в семейном кругу; в окружении ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) и представителей советской политической, военной и интеллектуальной

² См. Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. – 16-е изд., испр. – М., 1984. – С. 191.

³ Там же. – С. 590.

⁴ Там же. – С. 698.

элиты; на многолюдных приемах в Кремле, посвященных знаменательным событиям, юбилеям, праздникам; на банкетах в честь видных государственных, политических, военных деятелей и дипломатов зарубежных стран.

Напрашивается сравнение содержания застольных речей Сталина с застольными разговорами Гитлера⁵. При этом сразу бросаются в глаза существенные различия между обоими источниками.

Во-первых, сохранившиеся и впоследствии изданные стенографические записи монологов фюрера Третьего Рейха, имевшие место в Ставке Верховного Командования, ограничиваются периодом с 21 июля 1941 по 31 июля 1942 г. Сталинские же застольные речи, которые отнюдь не всегда принимали форму монологов, зафиксированы (о специфике их фиксации будет сказано ниже) за более продолжительный период – с начала 1930-х до начала 1950-х гг. Они произносились и на даче Сталина, и в его кремлевской квартире, и в Большом театре, и в залах Большого Кремлевского Дворца. Естественно, следует помнить о сталинских застольных речах во время личных встреч с лидерами союзных держав (Великобритании и США) и межсоюзнических конференций периода Второй мировой войны: в Тегеране (1943), Ялте и Потсдаме (1945).

Во-вторых, несмотря на всю стенографическую полноту, застольные разговоры Гитлера велись в присутствии сравнительно немногочисленной и постоянной по составу «верхушечной части» военного и гражданского руководства Германии⁶. Сталин же в этом смысле, как уже отмечалось, имел гораздо более широкую и разнообразную аудиторию.

Наконец, в-третьих, в отличие от гитлеровских, сталинские застольные разговоры фиксировались многими людьми, хотя в их числе не было самых ближайших «соратников» советского вождя, оказавшихся скупыми на воспоминания и проявивших в немногочисленных изданных мемуарах «скудную осторожность и сдержанность»⁷.

К середине 1930-х гг. застолья прочно вошли в повседневную жизнь Сталина. Все меньше внимания уделяя чисто семейным торжествам, особенно после трагической кончины

⁵ Пикер Г. *Застольные разговоры Гитлера*. Смоленск, - 1993.

⁶ Там же. - С. 7.

⁷ Фрадкин И. М. *Гитлер: словесный автопортрет* // Пикер Г. *Застольные...* - С. 21.

своей второй жены Н. С. Аллилуевой (1932 г.), он стал отдавать предпочтение застольным беседам с «соратниками» по Политбюро ЦК ВКП(б), членами Советского правительства: В. М. Молотовым, А. И. Микояном, Л. М. Кагановичем, К. Е. Ворошиловым и другими партийно-государственными деятелями.

Со второй половины 1930-х гг. установилась своеобразная традиция организации «товарищеских» обедов и ужинов в знаменательные и праздничные дни (1 мая, 7 ноября, на именины И. В. Сталина и других партийных и государственных деятелей, в очередную годовщину со дня смерти В. И. Ленина). Сталин, выступавший в роли «хозяина стола», просил слова, произносил на грузинский манер витиеватые тосты, делись воспоминаниями о своем жизненном пути и о борьбе против политических противников, высказываясь о перспективах развития Советского государства, о неизбежности вооруженного столкновения с «капиталистическим окружением» и т. д. и т. п.

В сталинских застольных речах, звучавших на такого рода «товарищеских» обедах и ужинах, часто затрагивалась и «европейская» тематика.

Дочь И. В. Сталина С. И. Аллилуева отмечала характерное качество, присущее отцу: «Политика отодвинула в нем все другие человеческие интересы на задний план – и так было всю жизнь»⁸. По ее свидетельству, Сталин мог часами сидеть за столом с гостями: «Это уж чисто кавказская манера: многочасовые застолья, где не только пьют и едят, а просто решают тут же, над тарелками, все дела – обсуждают, судят, спорят»⁹.

Данное наблюдение находит свое подтверждение в мемуарах А. И. Микояна. Микоян подчеркивал, что после смерти своей второй жены Сталин периодически устраивал многочасовые застолья, в ходе которых обсуждал вместе с соратниками текущие рабочие вопросы и назревшие проблемы внутриполитического и внешнеполитического плана. Организовывалось, по сталинскому выражению, что-то «вроде политического клуба»¹⁰.

Один из видных военных и политических деятелей Югославии 1940-х гг., ближайший сподвижник Й. Б. Тито, М. Джилас, оставивший подробные воспоминания о сталинских засто-

⁸ Аллилуева С. *Только один год*. – Нью-Йорк, 1969. – С. 35.

⁹ Аллилуева С. *Двадцать писем к другу*. – М., 2000. – С. 36.

¹⁰ Микоян А. И. *Так было. Размышления о минувшем*. – М., 1999. – С. 353, 355.

лях, так характеризовал их значимость: «На этих ужинах в неофициальной обстановке приобретала свой подлинный облик значительная часть советской политики, они же были и наиболее частым и самым подходящим видом развлечения и единственной роскошью в однообразной и угрюмой жизни Сталина...

На этих ужинах советские руководители были наиболее близки между собой, наиболее интимны. Каждый рассказывал о новостях своего сектора, о сегодняшних встречах, о своих планах на будущее. Богатая трапеза и большое, хотя не чрезмерное количество алкоголя оживляли дух, усугубляли атмосферу сердечности и непринужденности...

На этих ужинах перекраивалась судьба громадной русской земли, освобожденных стран, а во многом и всего человечества...»¹¹.

Источники о содержании застольных речей Сталина разнообразны и неоднозначны по своей информационной ценности. Автор не располагает сведениями, сохранились ли фонозаписи подобного рода устных сталинских выступлений (возможно, что они и не велись). В данной связи большие надежды остается возлагать на письменные свидетельства очевидцев и участников событий.

Прежде всего сведения о содержании застольных речей Сталина можно почерпнуть из личных дневников «завсегда-таев» застолий советского вождя. В первую очередь здесь следует упомянуть дневниковые записи Г. М. Димитрова (1882–1946). Димитров занимал пост Генерального секретаря Коминтерна (1935–1943), был депутатом Верховного Совета СССР (1937–1945). В свой личный дневник помимо разнообразных сведений, касавшихся деятельности ИККИ, Димитров скрупулезно заносил свои впечатления от увиденного и услышанного на сталинских «дружеских» обедах и ужинах, а также на торжественных приемах и дипломатических раутах, периодически устраивавшихся в Кремле во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг.¹²

Исследователи справедливо подчеркивали уникальность и ценность дневниковых записей Г. М. Димитрова¹³. В частности,

¹¹ Цит. по: Джилас М. *Лицо тоталитаризма*. - М., 1992. - С. 60, 61.

¹² Димитров Г. *Дневник* (9 март 1933 – 6 февруари 1949). - София, 1997.

¹³ Марьина В. В. *Дневник Г. Димитрова* // Вопросы истории. - 2000. № 7. - С. 32-55; Чернявский Г. И. *Дневники Г. М. Димитрова* // Новая и новейшая история. - 2001. - № 5. - С. 47-58.

отмечалось, что «нашелся в истории приближенный к Сталину человек, который непосредственно, в застольях, в ночных бдениях записывал высказывания, тосты Сталина, его окружения...»¹⁴.

Кроме Димитрова, дневниковые записи о ряде сталинских застолий были сделаны в конце 1930-х – начале 1950-х гг. В. А. Малышевым (1902–1957)¹⁵. В предвоенный период и во время германо-советской войны 1941–1945 гг. Малышев занимал руководящие посты в наркоматах тяжелого, среднего, транспортного машиностроения, танковой промышленности, являлся заместителем Председателя Совета народных комиссаров СССР. Он периодически приглашался на торжественные приемы в Кремле, на «дружеские» кремлевские обеды и ужины, которые устраивал Сталин. Характеризуя содержание дневниковых записей Малышева, публикаторы его дневника отметили следующее: «При явном отсутствии литературных достоинств эти записи не воспринимаются как сухое и скучное изложение «событий и мыслей (своих и чужих)» – они, как документальные снимки, пусть и не очень хорошего качества, помогают взглянуть на прошедшее глазами очевидца»¹⁶.

К этому можно добавить, что дневники В. А. Малышева и Г. М. Димитрова, несмотря на их отличия по форме, содержанию и объему, можно рассматривать как взаимодополняющие друг друга источники. Оба занимая различные ступени на иерархической лестнице сталинской номенклатуры, порой оказывались на одном и том же застолье, и каждый по-своему фиксировал впечатления от увиденного и услышанного. Ценность дневников Димитрова и Малышева состоит еще и в том, что в них пересказывается содержание застольных речей Сталина на грандиозных кремлевских приемах, где присутствовали сотни и тысячи людей.

Торжества такого рода стали практиковаться Сталиным во второй половине 1930-х гг. – начале 1940-х гг., когда в Большом Кремлевском Дворце либо в Грановитой палате устраивались банкеты по случаю знаменательных, с его точки зрения, событий (например, декады литературы и искусства союзных республик СССР) и в честь различных групп людей (депутатов Верховного Совета СССР, работников высшей школы,

¹⁴ Латышев А. Г. *Политбюро вино и кровь пьанили* // Российские вести. - 1998. - 22 июля. - С. 5.

¹⁵ Источник. - 1997. - № 5. - С. 103-147.

¹⁶ Там же. - С. 104.

выпускников военных академий Красной Армии и т.д. и т.п.). В своих застольных кремлевских речах, адресованных представителям различных групп советского общества, Сталин порой обращался к «европейской теме», например, для того, чтобы подчеркнуть наличие основных ценностей «самого передового социалистического строя» и противопоставить их пережиткам, якобы присущим представителям «буржуазной Европы».

Помимо дневниковых записей Г. М. Димитрова и В. А. Малышева, сведения о кремлевских приемах содержатся в воспоминаниях и мемуарах их советских¹⁷ и зарубежных участников¹⁸.

Накануне, в период и после окончания Второй мировой войны Сталин принимал участие в переговорах с государственными и военными деятелями, дипломатическими представителями ряда европейских стран. Советская сторона стала инициатором своеобразной традиции: для зарубежных гостей, прибывавших в Москву, устраивались торжественные банкеты в Кремле, а также обеды и ужины с небольшим количеством участников. Местом застолий «в узком кругу» становилась и сталинская ближняя дача.

После нападения Германии на СССР и начала германо-советской войны 1941 – 1945 гг. прекратились пышные приемы в Кремле в честь «передовиков производства», героев-летчиков, полярников, представителей науки и культуры и т. д. и т. п. Но сталинские застолья и в этот тяжелейший для СССР период продолжались. В качестве почетных гостей на них присутствовали, кроме советских официальных лиц, представители стран антигитлеровской коалиции. В процессе формирования и развития антигитлеровской коалиции установились личные контакты между Сталиным и европейскими лидерами (У. Черчиллем, Ш. де Голлем, Э. Бенешем, Й. Б. Тито). В ходе межсоюзнических конференций в Тегеране (1943 г.), Ялте и Потсдаме (1945 г.) также имели место дипломатические рауты, на которых Сталин вел застольные разговоры с Черчиллем и президентом США Рузвельтом. О содержании такого рода сталинских застольных речей могут дать представ-

¹⁷ Лященко П. Н. *С огнем и кровью пополам...* // Военно-исторический журнал. - 1995. - № 2. - С.22-28; Муратов Э. *Шесть часов с И. В. Сталиным на приеме в Кремле* // Нева. - 1993. - № 7. - С. 280-288; Шмидт С. О. *Приемы в Кремле в честь полярников // Этот противоречивый XX век. К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.Н. Полякова.* - М., 2001. - С. 96-118.

¹⁸ Н. Rzyżański, *Śladem wspomnień i dokumentów (1943-1948)*. Warszawa, 1987.

ление официальные записи, которые были сделаны переводчиками¹⁹. Существенным дополнением к ним являются дневники и мемуары участников событий²⁰.

Грузин по происхождению, И. В. Джугашвили, родившийся и живший на окраине Российской империи, буквально на границе между Европой и Азией, вряд ли мог предполагать, что ему доведется побывать на Западе. Но, выбрав путь профессионального революционера, преследуемый российскими властями, Сталин неоднократно нелегально выезжал за границу.

До Октябрьской революции 1917 г. он побывал в трех европейских странах. Вначале в Швеции как делегат IV съезда РСДРП (Стокгольм, апрель 1906). Затем, уже в качестве делегата V съезда РСДРП, – в Англии (Лондон, конец апреля-май 1907 г.). В конце 1912 г. – начале 1913 гг. Сталин нелегально посещает Австро-Венгрию, находится в Кракове, где встречается с Лениным и участвует в совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, а затем перебирается в Вену. В австро-венгерской столице Сталин с одобрения Ленина работает над статьей «Марксизм и национальный вопрос».

Кратковременное, можно сказать, мимолетное знакомство с Европой (и европейцами), не оказало основополагающего влияния на Сталина, ни в коей мере не послужило импульсом для «вестернизации» его сознания. Наоборот, если судить на основании его собственных устных высказываний, в том числе – откровенных признаний, прозвучавших в ходе застолий, у будущего большевистского вождя именно после пребывания в Европе начала проявляться тенденция к отрицанию «европейского пути», который он, очевидно, считал неприемлемым для России.

Сталин, как и Ленин в 1917 г., уже не рассматривал европейский пролетариат, на который такую надежду возлагали основоположники научного коммунизма К. Маркс и

¹⁹ Оглашению подлежат. СССР – Германия 1939 –1941. Документы и материалы. - М., 1991. - С. 77; Документы внешней политики 1939. Т. XXII. Кн. 2. Сентябрь – декабрь. - М., 1992. - С.614-615; Вопросы истории. - 2001. - № 1. - С. 6-28; № 3. - С. 3-20; Ржешевский О. А. *Операция «Браслет» (документальный очерк)* // Историческая наука на рубеже веков. - М., 2001. - С. 53-54; 57-60.

²⁰ J. Lacouture, R. Mehl, *De Gaulle ou L'Éternel défi*. Paris, 1988; Джилас М. *Лицо тоталитаризма...*; Черчилль У. *Вторая мировая война*. В 3-х кн. - М., 1991.- Кн. 2.; Кн.3. - Т. 5-6.; Источник. -1997. - № 5. - С. 103-147.

Ф. Энгельс, в качестве боевого авангарда в классовой борьбе. Так, на VI съезде РСДРП(б) (конец июля – начало августа 1917 г.) Сталин горячо возражал против формулировки проекта резолюции по отчетному докладу ЦК, суть которой сводилась к следующему: лишь пролетарская революция на Западе, т. е. в Европе, сможет открыть России путь к социализму. «Надо откинуть отжившее представление, что только Европа может указать нам путь», – утверждал Сталин. Он заявил буквально следующее: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму»²¹.

Если же основываться на сталинских высказываниях, прозвучавших в известном интервью немецкому писателю Э. Людвигу (1931 г.), для познания Европы и жизни европейцев пребывание за границей не играло никакой существенной роли. Сталин пытался доказать Людвигу, что оно не имело «решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода, беллетристической или научной». Большевистский вождь с нескрываемой иронией упоминал об известных ему «многих товарищах», проживших по 20 лет за границей («где-нибудь в Шарлоттенбурге или в Латинском квартале»), которые «сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее»²².

Данное откровение, высказанное в беседе с одним из видных европейских интеллектуалов, дает некоторое представление о том стереотипе восприятия европейского мира, которое было присуще Сталину в начале 1930-х гг. Как продолжатель ленинского дела, целью которого было свержение капитализма и уничтожение «капиталистического окружения», он в то же время не мог не относиться к Европе как к главному оплоту «буржуазно-капиталистических» порядков, воспринимать которую он был склонен с чувством неприятия. Неслучайно, во время обеда в Кремле с участием представителей союзных СССР держав антигитлеровской коалиции премьер-министра Великобритании У. Черчилля и личного посланника президента США А. Гарримана 14 августа 1941 г. И.В. Сталин, вопреки логике, заявил: «Никогда еще не бывало, чтобы *вся Европа* (курсив мой – В.Н.) полезла на Россию...». А «*вся Европа*», если основываться на перечислении противников СССР в вой-

²¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. - М., 1958. - С. 250.

²² Сталин И. В. *Сочинения*. - М., 1951. - Т. 13. - С. 121.

не, данном Сталиным, была представлена немцами, итальянцами, румынами, венграми, финнами, словаками и испанцами²³.

В своих застольных речах, звучавших на кремлевских приемах 1936–1938 гг., И. В. Сталин главным образом обращался к проблемам и событиям, связанным с текущей внутренней политикой советского режима, а поэтому «европейская» тематика затрагивалась в них лишь вскользь, как бы «попутно». Так, на приеме в Кремле депутатов Верховного Совета СССР с Президиумом Верховного Совета и Советом Народных Комиссаров СССР (20 января 1938 г.) Сталин один из тостов провозгласил за... советских артиллеристов. Для доказательства высказанной им мысли о решающем значении артиллерии в войне Сталин считал возможным привести примеры из военной истории Европы XIX – начала XX вв. По его мнению, Наполеон I побеждал своих противников прежде всего потому, что «имел хорошую артиллерию». Превосходство в артиллерии, развивал свою мысль Сталин, позволило немцам «бить французов» во время франко-прусской войны 1870–1871 гг.; французов, англичан и русских – в период Первой мировой войны и, наконец, дало возможность тем же французам одержать победу над немцами под Верденом²⁴.

В данной застольной речи Сталин использовал примеры из истории европейских войн, так сказать, в позитивном плане, с целью обоснования необходимости дальнейшего наращивания артиллерийского вооружения в Красной Армии.

В другой ситуации, когда он ставил перед собой цель продемонстрировать превосходство «советской морали» над «буржуазной», И. В. Сталин проявил презрение и сарказм по отношению к европейцам, весь свой сарказм по их поводу. Так произошло, например, на приеме 17 марта 1938 г. в честь возвратившихся в Москву участников первой советской зимовки на Северном полюсе – четверки «папанинцев» (И. Д. Папанина, Э. Т. Кренкеля, П. П. Ширшова и Е. К. Федорова). Этот пышный прием, на который было приглашено свыше 800 человек, проходил в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца²⁵. Взяв слово, Сталин, явно находившийся в хорошем расположении духа, произнес пространную застольную речь.

²³ Ржешевский О. А. *Операция...* - С. 53.

²⁴ Источник. - 1997. - № 5. - С. 106-107.

²⁵ Кренкель Э.Т. *РАЕМ – мои позывные.* - М., 1973. - С. 492.

Хотя она изобиловала повторами и отличалась определенной нарочитостью, смысл сталинского высказывания сводился к «простой» истине: на Западе («во Франции, в Германии, в Англии, в Америке») героев «не создают», а в СССР это якобы стало привычным делом. Походя он счел необходимым упомянуть о том, что норвежцы предлагали свою помощь в критический момент дрейфа группы И. Д. Папанина на льдине. Согласившись на получение подобной помощи, советские власти, по словам Сталина, прекрасно понимали, «что эти сволочи», т.е. норвежцы, «никакой серьезной помощи оказать не могут». Ведь для них здесь, как выразился советский вождь, не было никакой выгоды, «профита».

Европейцы (точно так же, как и американцы), развивал свою мысль Сталин, не в состоянии оценить степень героизма и смелости человека. И он предложил тост за то, чтобы научиться «ценить смелых, талантливых, способных людей», к разряду которых и принадлежали, согласно его рассуждениям, папанинцы. Кроме того, Сталин провозгласил здравицу за то, чтобы советские люди «не пресмыкались перед западниками, перед французами, перед англичанами и не заискивали перед ними».

И. В. Сталин задавал присутствовавшим на приеме риторический вопрос: что такое подвиг и как можно его оценить? В данной связи он призывал «усвоить, наконец, новую меру ценности людей. Чтобы людей ценили не на рубли и не на доллары!». «Что такое доллар?», – вопрошал Сталин и категорически отвечал: «Чепуха!» В свой пространственный тост он вложил уверенность, что «никакой американец, никакой француз, никакой англичанин» не смогут правильно оценить степень героизма человека, уже только потому, что у них «есть одна оценка – доллар, стерлинг, франк». И лишь советские люди, завершил свои рассуждения И.В. Сталин, «поняли, что талант, мужество человека – это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных стерлингов, презренных франков». Последние сталинские слова, как следует из стенографической записи, покрылись «бурной овацией всех присутствующих»²⁶.

И. Д. Папанин по «горячим следам» событий искренне восторгался «великой мудростью и любовью к советскому человеку», которыми, по его словам, была проникнута эта сталинская застольная речь²⁷. Спустя более чем шесть деся-

²⁶ Источник. - 1998. - № 4. - С. 86-87.

²⁷ Папанин И. *Незабываемые встречи // Встречи с товарищем Сталиным.* - М., 1939. - С. 34-36.

тилетий другой участник кремлевского приема в честь папанинцев историк С. О. Шмидт отмечал, что сталинский тост, начавшийся с похвалы советскому героизму, содержал в себе «и противопоставление Западу»²⁸. Он обратил внимание на следующее немаловажное обстоятельство: прием в Кремле в честь папанинцев проходил буквально спустя три дня после завершения в Москве публичного судебного процесса «Правотроцкистского антисоветского блока», на котором к смертной казни было приговорено 18 человек, в том числе такие известные партийные и государственные деятели, как Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Г. Ягода²⁹. Как известно, большинство из обвиняемых, представших перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР на этом фальсифицированном процессе, были бездоказательно обвинены в том, что действовали «по прямым заданиям разведок иностранных государств», являясь якобы «германскими, английскими, польскими шпионами». Подобного рода формулировки были взяты на вооружение большевистской пропагандой, внедрялись в сознание миллионов людей в Советском Союзе, что, в конечном счете, способствовало нагнетанию ксенофобии по отношению к европейцам.

На исходе 1930-х гг. И. В. Сталин в определенной степени был склонен принизить «классовую сознательность» европейских «братьев по классу», очевидно, понимая, что ждать от них активных действий уже не приходится. На XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.) он прямо заявил, имея в виду западный мир: «...буржуазия знает, что если капитализм еще не свергнут и он продолжает все еще существовать, то этим он обязан не своим хорошим качествам, а тому, что у пролетариата нет еще достаточной веры в возможность своей победы... Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и недоверия»³⁰.

Не случайно в данной связи, что Сталин все внимательнее стал вникать в международные события, очевидно, считая надвигающуюся войну более важным явлением, чем «мировая революция», в неизбежность которой большевистское руководство уже мало верило.

²⁸ Шмидт С. О. *Приемы в Кремле ...* - С. 108.

²⁹ Там же. - С. 101-102.

³⁰ XVIII съезд ВКП(б). 10-21 марта 1939 г. *Стенографический отчет*. - М., 1939. - С. 39.

Предвоенный политический кризис в Европе, приведший к Мюнхенскому договору 1938 г. и расчленению Чехословакии, советско-англо-французские переговоры в Москве летом 1939 г., которые, по утверждению Москвы, завершились безрезультатно исключительно по вине английского и французского правительств, еще более обострили антибританские и антифранцузские настроения И. В. Сталина. Он сделал свой выбор в пользу Берлина. Именно благодаря этому сталинскому выбору, который был поддержан Гитлером, СССР и Германия летом 1939 г. пошли на сближение друг с другом в политической, экономической, дипломатической и военной областях.

В исследовательской литературе, а в большей степени в публицистике, высказывается мысль о том, что после заключения договора о ненападении от 23 августа и договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. и начала советско-германского сближения Сталин демонстрировал особую симпатию к Гитлеру и чуть ли не выступал в роли его апологета. В качестве одного из главных аргументов выдвигается, например, тот факт, что во время ужина в Кремле в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. Сталин провозгласил тост «за здоровье» «фюрера германской нации».

Некоторые авторы пытаются опровергнуть подобную аргументацию. Так, О. В. Вишнёв писал по этому поводу: «Говоря о тосте Сталина в честь Гитлера, нельзя не отметить, что он был произнесен на ужине в Кремле, который представлял собой дипломатический акт, и, естественно, на нем стороны рассыпались в любезностях. Но пожелание здоровья Гитлеру из уст Сталина, по-видимому, не было лишено сарказма. Очень двусмысленно звучат слова: «Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего руководителя...». Сталин где-то даже издевался над Риббентропом, предлагая ему поднимать бокал то за здоровье столь «любимого» немецким народом Гитлера, то за «нового антикоммунистического Сталина», то за советского наркома путей сообщения Л. М. Кагановича»³¹.

Можно согласиться с Вишнёвым в том, что такой дипломатический акт, как ужин, устроенный Сталиным и Молотовым в честь министра иностранных дел Германии Риббентропа,

³¹ Вишнёв О. В. *Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки.* - М., 2001. - С. 113.

предполагал, что с обеих сторон должны последовать взаимные комплименты и любезности. Однако в приведенном пассаже из книги российского историка имеются неточности. Вишлёв искусственно «соединил» в одно *два различных застолья*, состоявшихся в Кремле.

Первое застолье – «небольшой ужин» (так назвал его Риббентроп), на котором присутствовали с советской стороны лишь Сталин и Молотов, а Каганович в качестве приглашенного не фигурировал. Этот ужин состоялся после подписания пакта о ненападении в ночь с 23 на 24 августа 1939 г.³² Следовательно, вопреки утверждениям Вишлёва, Сталин вряд ли мог на нем поднимать бокал за отсутствовавшего наркома путей сообщения.

Второе застолье Риббентроп охарактеризовал уже как «большой банкет». Этот банкет был устроен вечером 28 сентября 1939 г. Он предшествовал подписанию советско-германского Договора о дружбе и секретных дополнительных протоколов к нему³³. Судя по сохранившейся немецкой записи (советский вариант не был обнаружен), прием состоялся в залах Кремлевского дворца по завершении очередного раунда советско-германских переговоров. Участниками «обеда» (или «ужина») были члены Политбюро ЦК ВКП(б) – И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян³⁴. Таким образом, хотя и вопреки более позднему утверждению Риббентропа³⁵, в застолье участвовали не все члены Политбюро (не было А. А. Андреева и А. А. Жданова), но на нем присутствовал советский нарком путей сообщения.

На ужине в Кремлевском дворце вечером 28 сентября, проходившем «в очень непринужденной и дружественной атмосфере», в роли тамады (т. е. человека, представлявшего по очереди слово участникам застолья) выступал В. М. Молотов. Если верить воспоминаниям Молотова, когда он дал возможность высказаться Сталину, тот действительно предложил тост

³² Риббентроп Й. фон. *Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи.* - М., 1996. - С. 142.

³³ Там же. - С. 161.

³⁴ *Документы внешней политики.* 1939. Т. XXII. Кн. 2. Сентябрь – декабрь. - М., 1992. - С. 614.

³⁵ Риббентроп Й. фон. *Между Лондоном и Москвой ...* - С. 161.

за...наркома путей сообщения Кагановича³⁶. Й. фон Риббентроп вспоминал впоследствии, что даже сумел побеседовать с Кагановичем во время этого банкета, но разговор был недолгим³⁷. На ужине 28 сентября 1939 г. тамадой В. М. Молотовым провозглашались тосты «в честь Германии, ее фюрера и его министра», т.е. Риббентропа³⁸.

Однако, возвращаясь к вопросу о том, что Сталин 24 августа и 28 сентября 1939 г. пил за здоровье Гитлера, как представляется, нельзя сделать вывод, что у советского вождя были какие-то особые симпатии к фюреру. Скорее всего, в данном случае он лишь следовал установившейся дипломатической традиции приветствовать главу государства по случаю заключения двусторонних договоренностей. На наш взгляд, в поведении И. В. Сталина во время обоих застолий, устроенных в честь Й. фон Риббентропа, вряд ли можно усматривать нечто большее, чем дипломатический этикет.

Если Сталин и испытывал какие-либо положительные эмоции в отношении главы Национал-социалистической рабочей партии Германии (что представляется весьма сомнительным) и к ставшей по его воле «дружественной» СССР стране, то они быстро улетучились уже к концу первого года действия советско-германского пакта о ненападении. Победа фюрера над Францией не на шутку встревожила Кремль. У Сталина вызывали раздражение успехи вермахта в ходе боевых действий в Европе против Англии и Франции.

7 ноября 1940 г., в день очередной годовщины Октябрьской революции, в Кремле был устроен праздничный обед, на котором присутствовали «вождь» и его ближайшие соратники, члены Политбюро ЦК ВКП(б) и видные военачальники. Сталин взял слово и, в частности, заявил: «Мы не готовы для такой войны, которая идет между Германией и Англией»³⁹. Во время

³⁶ Чуев Ф. И. *Молотов: Полудержавный властелин.* - М., 1999. - С. 24. Примечательно, что 9 декабря 1944 г. на банкете в честь французской делегации, прибывшей в Москву во главе с Ш. де Голлем, И. В. Сталин, который «страшно веселился», среди прочих «шутливых тостов» провозгласил здравицу такого рода: «За Кагановича! Каганович - храбрый человек, он знает, что, если поезда не будут приходить вовремя, его расстреляют!» (Лякутюр Ж., Мель Р. *«Кремлевский маршал». Переговоры Сталина и де Голя в Москве в декабре 1944 года // Архивы раскрывают тайны...* Международные вопросы: события и люди. - М., 1991. - С. 161-165).

³⁷ Риббентроп Й. фон. *Между Лондоном и Москвой ...* - С. 161.

³⁸ *Документы внешней политики. 1939 год.* - Кн.2. - С. 614.

³⁹ Димитров Г. *Дневник ...* - С. 200-201.

этой же застольной беседы, пользуясь эзоповским языком (в частности, характеризуя Третий Рейх как враждебное государство, которое «прикрашивается» под дружественное СССР), он выразил недовольство нацистским руководством. Это недовольство и раздражение пришло на смену прежним заявлениям Москвы о приверженности дружбе с Германией.

Весной 1941 г. напряженность во взаимоотношениях между Германией и СССР достигла особой остроты. Германские войска были введены в Финляндию и в Болгарию, что непосредственно затрагивало интересы Советского Союза на Балканах. Эти события способствовали активизации процесса сближения между СССР и Югославией. В Москве был подписан «Договор о дружбе и ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Югославия» (5 апреля 1941 г.).

Хотя в планы Сталина тогда и не входило присоединение к возможному антигитлеровскому фронту Югославии и Греции при участии Великобритании, «налицо была советская готовность скрытно поддержать его». Скорее всего, путем заключения упомянутого договора он намеревался задержать начало агрессии Германии против Югославии и тем самым дать югославской армии лучше подготовиться к войне⁴⁰.

Так или иначе, но очевидцы зафиксировали характерные высказывания, прозвучавшие из уст Сталина в ходе ужина, состоявшегося после подписания советско-югославского договора, уже 6 апреля. По свидетельству советского дипломата Н. В. Новикова, во время беседы югославский представитель полковник Д. Савич подчеркнул, что Советский Союз неизбежно будет втянут в войну с Германией, поскольку «Гитлер сам никогда не остановится», и потребует «остановить» его силой. Согласившись с этим доводом относительно угрожающих действий Гитлера, Сталин отметил, что немцы «запугивают» СССР, но, заявил советский лидер, «мы их не боимся». В ответ на вопрос, поставленный югославским посланником в Москве М. Гавриловичем, известно ли И. В. Сталину о слухах, будто немцы собираются напасть в мае 1941 г. на Советский Союз, последний решительно ответил: «Пусть попробуют». Турецкое посольство в Москве по своим каналам получило сведения об этом диалоге, состоявшемся между Гавриловичем

⁴⁰ *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939 – 1941 гг.* - М., 1999. - С. 496.

и Сталиным. 7 апреля турецкий посланник в своей телеграмме, направленной в Стамбул, сообщал: «Югославский посол позавчера в Кремле после подписания договора о дружбе беседовал со Сталиным и сделал ему некоторые заявления... Сталин выслушал его заявление с большим интересом и, дважды поблагодарив посла за информацию о сроках возможного нападения немцев, сказал: «Мы готовы, если им угодно – пусть придут»⁴¹.

Примечательно, что в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Сталин во время дипломатических раутов акцентировал внимание партнеров по переговорам на том, что считает себя не «европейцем», а «азиатом». Так, в ходе застольной беседы, предшествовавшей подписанию пакта о ненападении, он поведал Риббентропу, что за время вооруженного советско-японского конфликта на р. Халхин-Гол в 1939 г. части Красной Армии уничтожили около 20 тыс. японцев. При этом Сталин высказал убеждение в действенности «языка силы», который, по его мнению, только и понимают «азиаты». «Впрочем, – добавил большевистский вождь, – я сам один из них («азиатов» – В. Н.) и знаю, что говорю»⁴².

Столь же откровенно И. В. Сталин заявлял о своей «азиатской принадлежности» во время банкета по случаю подписания договора о нейтралитете с Японией (13 апреля 1941 г.). Обращаясь к японскому министру иностранных дел Ё. Мацуока, он подчеркнул: «Вы азиаты. И я тоже». «Мы все азиаты», – солидаризировался с ним Мацуока и предложил тост «за азиатов»⁴³.

Между тем взаимоотношения СССР и Германии к началу мая 1941 г. обострились настолько, что стали распространяться слухи о неизбежности вооруженного столкновения между обеими странами. В выступлениях Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г. уже присутствовали антигерманские мотивы. На банкете в Кремле по случаю выпуска военных «академиков» один из приглашенных генералов предложил тост за дружбу с Германией. Сталин немедленно взял слово и якобы заявил следующее: «Некоторые офицеры очень хвалят германскую армию, ее

⁴¹ 1941 год. Документы. - Кн.2. Док. № 370. - С. 49.

⁴² Хильгер Г. Я присутствовал при этом // Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. - М., 1996. - С. 66-67.

⁴³ G. A. Lensen, *The Strange Neutrality*. Tallahassee, 1972. p. 19-20.

руководителей. Эти офицеры Красной Армии недалеко видны, сильно заблуждаются и обманывают не только себя, но и своих подчиненных. Эти болтуны на каждом шагу говорят о каких-то победах германской армии. Им время понять, что Германия до сих пор имела дело с недостаточно подготовленными армиями европейских государств, когда не требовалось стратегии, чтобы уничтожить или пленить их. Пора кончать с этим ненужным восхвалением германской армии, ее оружия»⁴⁴.

Естественно, Сталин не мог прямо говорить тогда собравшимся в Кремле, что под «Германией» и «немцами» он подразумевает Гитлера и национал-социалистов: ведь еще продолжали действовать пакт о ненападении от 23 августа и Договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Но в целом, как свидетельствовали очевидцы, сталинские выступления 5 мая 1941 г., в том числе его тосты и реплики во время застолья, носили антигерманский характер⁴⁵.

Понятно, что с началом германо-советской войны, в условиях грандиозного вооруженного столкновения между Германией и СССР антигерманская и антинацистская направленность сталинских устных выступлений обострилась до предела. Эта же тенденция, хотя и в меньшей степени, прослеживается при анализе содержания сталинских застольных речей 1941–1945 гг. Тема Германии и немцев затрагивалась Сталиным не только во время официальных переговоров с представителями стран-союзников СССР по антигитлеровской коалиции, но и на устраивавшихся в их честь приемах в Кремле и на «дружеских» обедах и ужинах на сталинской даче.

После тех бедствий и огромных материальных и людских потерь, которые были принесены СССР и его населению в результате германского вторжения на советскую территорию и оккупации ее европейской части, Сталин часто задумывался о том, каким образом можно в будущем, после казавшейся ему неизбежной победы над Германией в развязанной ею войне, предотвратить возрождение германской военной мощи. Свои размышления на сей счет Сталин неоднократно, начиная с 1943 г., излагал на переговорах и в застольных беседах с политиками и дипломатами союзных стран. Едва ли не

⁴⁴ Цит. по: Вишнёв О. В. *Накануне 22 июня...* - С. 182.

⁴⁵ Лященко П. Н. *С огнем и кровью пополам...* - С. 23; Муратов Э. *Шесть часов с И. В. Сталиным...* - С. 283.

впервые он поделился ими, беседуя с чехословацким президентом Э. Бенешем во время застолья в Большом театре после подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией (12 декабря 1943 г.). Сталин убеждал Бенеша: «Немцев не изменить, они снова начнут готовиться к новой войне и через некоторое время дело опять дойдет до новой войны»⁴⁶. Спустя пять дней, на совещании в Кремле с президентом Чехословакии он вновь вернулся к своей формулировке: «Немцы сильный и талантливый народ и могут после войны опять очень быстро подняться»⁴⁷.

И в дальнейшем Сталин, как показывают источники, возвращался к данному вопросу. Так, во время застолья с представителями югославской делегации в начале апреля 1945 г. была высказана мысль, что немцы не смогут уже «подняться» в течение следующих пятидесяти лет. Сталин возразил, охарактеризовав Германию как «высокоразвитую промышленную страну» с квалифицированным и многочисленным рабочим классом и технической интеллигенцией, будучи убежден, что эта страна через 12-15 лет после окончания войны снова встанет на ноги⁴⁸.

Хотя можно найти в застольных речах Сталина 40-х гг. неоднократные упоминания о немцах, затруднительно на этом основании судить о том, какие конкретно образы ассоциировались у него с этим народом, какими качествами наделял его советский вождь. В то же время с помощью источников можно прийти к выводу о наличии в сталинском сознании одного довольно устойчивого этнического стереотипа, связанного с восприятием немцев. В 1931 г., беседуя с писателем Э. Людвигом, Сталин рассказал ему анекдот, бытовавший якобы во время его пребывания в Берлине в 1907 г.⁴⁹ Суть дела состояла в следующем. Немецкие социал-демократы из берлинского пригорода прибыли на поезде в столицу Германской империи, где должны были участвовать в манифестации. Однако на это партийное мероприятие они опоздали, поскольку в течение двух часов ожидали на перроне вокзала прибытия контролера, который должен был проверить у них проездные билеты. В

⁴⁶ Новая и новейшая история. - 2000. - № 4. - С. 150; Вопросы истории. - 2001. - № 1. - С. 16.

⁴⁷ Вопросы истории. - 2001. - № 3. - С. 15.

⁴⁸ Джилас М. *Лицо тоталитаризма ...* - С. 85.

⁴⁹ Биохроника И. В. Сталина не дает подтверждения факту пребывания И. В. Сталина в Берлине в 1907 г.

конце концов нашелся «русский товарищ», указавший немцам простой выход: он предложил уйти, не сдав билетов⁵⁰.

Спустя 13 лет вышеизложенный сталинский рассказ (но несколько видоизмененный) прозвучал вновь. Произошло это в ходе застолья на сталинской даче, устроенного в честь членов прибывшей в СССР югославской делегации (начало июня 1944 г.). Тогда был затронут вопрос о немцах, являвшихся общими врагами и для Советского Союза, и для Югославии. В уничижительном тоне И. В. Сталин сравнил немцев с... овцами, которые, по его словам, слепо следуют за бараном. Тут же он вспомнил историю, которая была пересказана им Людвигу в качестве анекдота, о незадачливых немецких социал-демократах, опоздавших на собрание. Но, беседуя с Джиласом, Сталин представил эту историю не как анекдот, а как сущую быль: «Помню, когда я был до революции в Германии: группа немецких социал-демократов опоздала на съезд, так как должны были ожидать проверки билетов или чего-то в этом роде... Кто-то хорошо сказал: в Германии совершить революцию невозможно, так как пришлось бы мять траву на газонах»⁵¹.

На заключительном обеде лидеров трех союзных держав (Сталина, Черчилля и Рузвельта) накануне закрытия Крымской конференции союзных держав (10 февраля 1945 г.) советский вождь вновь упомянул о «непомерной дисциплине в кайзеровской Германии». По свидетельству Черчилля, Сталин рассказал своим собеседникам случай, который произошел с ним, когда он, будучи молодым человеком, находился в Лейпциге. В пересказе Черчилля дело обстояло следующим образом. Сталин «вместе с 200 немецкими коммунистами» приехал «на международную конференцию». Далее суть происшествия с ними, которое случилось на железнодорожной станции по прибытии к месту назначения, была изложена Сталиным так же, как и в беседе с Джиласом в 1944 г.⁵² Во время обеда с Черчиллем, состоявшегося в ходе Потсдамской конференции глав союзных держав (18 июля 1945 г.), советский лидер заявил, что немцы «похожи на стадо овец» и опять напомнил анекдот с 200 германским социал-демократами⁵³.

⁵⁰ Сталин И. В. *Сочинения*. - М., 1951. - Т. 13. - С. 124.

⁵¹ Джилас М. *Лицо тоталитаризма ...* - С. 63.

⁵² Черчилль У. *Вторая мировая война*. - Кн. 3. - Т. 5-6. - С. 539-540.

⁵³ Там же. - С. 662.

28 мая 1946 г., ведя разговор за накрытым столом на своей даче уже с Й. Б. Тито, в который уже раз Сталин продемонстрировал свое презрительное отношение к немецкой приверженности порядку. Он подчеркнул, что немцы ничего не делают «без приказа»⁵⁴.

Сталинская ксенофобия в отношении немцев проявлялась в самых необычных ситуациях. Сталин, например, иронизировал над Джиласом, который во время застолья по случаю подписания советско-югославского договора от 11 апреля 1945 г. старался избежать употребления крепких спиртных напитков, а потягивал лишь пиво. За это «недостойное», с его точки зрения, поведение, советский «вождь» назвал представителя союзной по антигитлеровской коалиции страны... «немцем». Вряд ли это сравнение пришлось по вкусу югославскому гостю: ведь еще продолжалась война, и немцы, даже коммунисты, «котировались в Москве ниже всех прочих»⁵⁵.

Во время другого сталинского застолья Джиласу довелось услышать от «хозяина» более «свежий» анекдот о немцах, чем тот, в котором говорилось о приверженных к порядку германских социал-демократах начала XX в. Советский солдат конвоировал большую группу немецких военнопленных и по дороге перебил их всех, кроме одного, которого и доставил к месту назначения. На вопрос о судьбе остальных немцев он ответил просто: «Выполняю распоряжение Верховного Главнокомандующего [Сталина – В.Н.]: перебить всех до одного – вот я вам и привел одного»⁵⁶. В то же время И. В. Сталин прекрасно понимал, что, несмотря на наличие ненависти к немцам как к захватчикам и поработителям, эту нацию невозможно истребить физически, и данный объективный фактор не следует игнорировать при проведении европейской политики СССР. На приеме в Кремле в честь чехословацкой делегации 28 марта 1945 г. Сталин в своем тосте, в котором обосновывалась необходимость единения славянских народов, признавал: «Я ненавижу немцев. Но ненависть не должна мешать нам объективно оценивать немцев. Немцы – великий народ. Очень

⁵⁴ Исторический архив. - 1993. - № 2. - С. 28.

⁵⁵ Джилас М. *Лицо тоталитаризма ...* - С. 82-83.

⁵⁶ Там же. - С. 63. Сталинский приказ от 1 мая 1942 года гласил, в частности: «...мы должны разбить немецко-фашистскую армию и истребить немецких оккупантов до последнего человека, поскольку они не будут сдаваться в плен» (Цит. по: Сталин И. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. - 5-е изд., - М., 1950. - С. 103).

хорошие техники и организаторы. Хорошие, прирожденные храбрые солдаты. Уничтожить немцев нельзя, они останутся»⁵⁷.

Среди историков долгое время велись и продолжают дискуссии относительно причин, которые заставили Сталина пойти на заключение пакта о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. Не ставя себе целью подвести итоги бурной полемики по данной проблеме, в которой, несмотря на определенное продвижение на пути к истине, еще не расставлены все точки над *i*, автор данной статьи хотел бы напомнить следующее. И. В. Сталин и советское руководство изначально пытались взвалить на плечи лидеров европейских стран, в первую очередь – Англии, Франции, а также Польши, вину за неудачный исход советско-англо-французских переговоров, которые велись летом 1939 в Москве. Еще в ходе самой войны, а также после ее завершения, Сталин в своих застольных речах, обращенных к представителям европейских стран, излагал советскую версию событий, предшествовавших подписанию пакта Риббентроп-Молотов.

Так, в ночь с 16 на 17 августа 1945 г. во время застолья по поводу подписания советско-польских соглашений Сталин счел необходимым подробно обосновать свою точку зрения на причины сближения с Германией в августе 1939 г. Заместитель министра промышленности польского Временного правительства национального единства Г. Ружаньски в своих мемуарах передал смысл этой сталинской застольной речи. По словам И. В. Сталина, англичане и французы вели переговоры с СССР таким образом, чтобы добиться его изоляции и попытаться столкнуть с гитлеровской Германией. Советское руководство, пояснял Сталин, отдавало себе отчет в том, что англичане и французы оказали влияние на поляков, чтобы те воспротивились проходу советских войск на помощь Чехословакии через территорию Польши. Оно осознало, ради чего ведется вся эта дипломатическая игра, а поэтому согласилось на пакт с Гитлером, который в такой ситуации давал время на подготовку для отражения агрессии.

Г. Ружаньски констатировал по этому поводу, что сталинский вывод о причинах подписания пакта о ненападе-

⁵⁷ Источник. - 1997. - № 3.

нии с Германией повторял уже известный и публиковавшийся в советской прессе тезис⁵⁸.

В этой связи не случайным является то, что среди европейских государств по числу негативных упоминаний в застольных речах Сталина Англия и Франция занимали ведущие места. Обе державы активно участвовали в «походах Антанты» против Советской Республики в 1918–1920 гг., что, естественно, предопределяло изначально враждебное отношение к ним большевистского вождя. Кроме того, Сталин не мог забыть о той роли, которую сыграли руководители Англии и Франции в подготовке и подписании Мюнхенского соглашения 1938 г., когда СССР оказался фактически в изоляции в условиях, когда решалась судьба Чехословакии. Наконец, как уже указывалось, согласно его версии, именно по причине неудачных советско-англо-французских переговоров летом 1939 г. произошло сближение Москвы и Берлина, закончившееся известными договорами от 23 августа и 28 сентября 1939 г.

Примечательно, что и в конце 1930-х гг. в сознании Сталина Англия и Франция, выступавшие в роли интервентов в годы гражданской войны, оставались потенциальными поработителями советских территорий. Во время застолья в узком кругу своих ближайших «соратников», состоявшегося после праздничного парада 7 ноября 1937 г., он всерьез уверял их, что «враги народа» (Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков), чтобы «прийти к власти любой ценой», якобы «договорились уступить» Закавказье и Кавказ, Туркменистан и Узбекистан – англичанам; Крым, Черное море и Донбасс – французам⁵⁹.

В представлении большевистских лидеров английские и французские «империалисты» были своеобразным «исчадием ада», едва ли не главными врагами не только Советского Союза, но и малых европейских стран (в частности, Чехословакии) и до начала Второй мировой войны, и в ходе ее (несмотря на установление советско-английских союзнических отношений), и после ее окончания. Об этом, в частности, может наглядно свидетельствовать диалог, состоявшийся между Сталиным и Бенешем во время банкета в Кремле 11 декабря 1943 г. по случаю прибытия чехословацкой делегации в Москву, кото-

⁵⁸ H. Róžański, *Śladem wspomnień i dokumentów (1943 – 1948)*. Warszawa, 1987, s. 328-329.

⁵⁹ Тагер Р. *Сталин у власти. История и личность. 1928 – 1941.* - М., 1997. - С. 438.

рый был записан начальником канцелярии президента ЧСР Я. Смутным: «... Заговорили о ценности союзнических договоров. Сталин заявил, что Франция нас (Чехословакию) обманула, когда не выполнила договор. Россия, дескать, выполняет каждый договор, это вопрос ее чести: «У нас был договор с монголами. Когда на них напали японцы, мы помогли им. А это не были славяне...». Он поднимал цену русского союза по сравнению с ценой союза с Англией. Англичане, дескать, подписывают договор с союзниками и при этом уже взвешивают, как бы его надуть и как бы его использовать. Русские ни о чем таком не думают»⁶⁰.

Великобритания и англичане для большинства советских лидеров (и Сталин в этом смысле не был исключением) играли в 30-е гг. примерно ту же враждебную роль, что и США после Второй мировой войны. Это отношение было традиционным. Еще в XIX в. в русском общественном сознании образ «туманного Альбиона» трансформировался в образ «коварного Альбиона». О том, что Англия является сильнейшей мировой державой, а англичане – извечными врагами России, писали такие видные государственные деятели как К. П. Победоносцев, С. Ю. Витте, А. П. Извольский и другие. Об этом же неоднократно упоминалось в работах и устных выступлениях В. И. Ленина. Опыт гражданской войны и иностранной интервенции убедил большевистское руководство в том, что англичане – главные противники на международной арене⁶¹.

В данной связи вполне понятно и откровение, прозвучавшее из уст Сталина во время переговоров с Риббентропом 27 сентября 1939 г.: «...Советское правительство никогда не имело симпатий к Англии. Необходимо лишь заглянуть в труды Ленина и его учеников [одним из которых считал себя Сталин – В.Н.], чтобы понять, что большевики всегда больше всего ругали и ненавидели Англию, притом еще в те времена, когда о сотрудничестве с Германией и речи не было»⁶².

В разгар «большого банкета» в Кремле 28 сентября 1939 г. между Сталиным и Риббентропом состоялся знаменательный диалог, содержание которого также представляет несомнен-

⁶⁰ Вопросы истории. - 2001. - №1. - С. 13-14.

⁶¹ *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века/ Russia and the West/ The Development of Foreign Policy Stereotypes in the Consciousness of the Russian Society of the First Half of 20th Century.* New York, 1999. - С. 156.

⁶² 1941 год. Документы. - Кн. 2. Док - № П23. - С. 591.

ный интерес для понимания подлинного отношения советского вождя к Великобритании и ее лидерам. В ответ на вопрос Риббентропа относительно перспектив налаживания советско-английских контактов, Сталин считал необходимым подчеркнуть следующее: Советское правительство «не собирается вступать в какие-нибудь связи» с «зажравшимися государствами» (к их числу была отнесена и Англия). Он назвал премьер-министра Великобритании Чемберлена «болваном»⁶³.

«Досталось» от Сталина и французам. Франция, так же как и Англия, была причислена к группе «зажравшихся» держав; французский президент Даладье, согласно сталинскому определению, – «еще больший болван», чем Чемберлен⁶⁴.

Трагедия Франции 1940 г. интерпретировалась советским «вождем» через призму негативного отношения к этой стране, ее политическому и военному руководству, пренебрежения к французской армии. С присущим ему циничным юмором он уверял выпускников военных академий РККА в своей речи 5 мая 1941 г., что на командиров в вооруженных силах Франции сами французы смотрели «как на неудачников, как на последних людей, которые, не имея фабрик, заводов, банков, магазинов, вынуждены были идти в армию». «За военных даже девушки замуж не выходили», – утверждал он⁶⁵.

Подобного рода сентенции Сталина скорее всего объяснялись пережитым летом 1940 г. шоком от того, что Франция потерпела поражение от Германии. Ведь он желал, чтобы участвовавшие во Второй мировой войне группы капиталистических стран (Германия с одной стороны, Англия и Франция – с другой) «подрались и хорошенько ослабили друг друга»⁶⁶. Падение Франции привело к значительному усилению военного потенциала Германии. Став фактическим гегемоном в Европе, она начала подготовку к вооруженному столкновению с СССР.

Сталин, который, очевидно, так и не смог забыть Франции ее быстрого поражения в 1940 г., при случае старался как можно больше «уколоть» неудачливых французов. Так, на приеме в Кремле в честь чехословацкой делегации (28 марта 1945 г.) он пустился в рассуждения о том, кто больше пострадал в войне

⁶³ Там же. - С. 593.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ 1941 год. Документы. - Кн. 2. - Док. - № 437. - С. 160.

⁶⁶ Димитров Г. Дневник ... - С. 168-169.

против Германии: славянские страны или Франция. Отвечая на сформулированный им же вопрос, Сталин утверждал: «Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули»⁶⁷.

Порой высказывается мысль, что И. В. Сталин стремился к территориальному расширению СССР, видя в этом благоприятную возможность для увеличения мощи своей державы. Как представляется, дело обстояло несколько сложнее, а Сталин обладал определенной гибкостью в данном вопросе. Территориальные приращения Советского Союза в 1939–1941 гг. действительно имели место, во многом благодаря договоренностям с Германией о разделе «сфер государственных интересов в Восточной Европе». Однако к началу германо-советской войны Сталину так и не удалось «восстановить» западные границы бывшей Российской империи. Вряд ли в качестве конечной цели этой войны он рассматривал расширение советской территории, например, за счет Польши или других стран Европы.

В то же время в 1943 – 1945 гг. в своих застольных речах И. В. Сталин часто затрагивал вопрос о необходимости славянского единства и обращался к идее «нового издания» панславизма, хотя и подчеркивал ее «марксистский», «большевистский» характер. Так, в ходе приема в Кремле в честь чехословацкой делегации (22 декабря 1943 г.) Сталин провозгласил знаменательный тост. Смысл его следующим образом передавал в своем дневнике член чехословацкой делегации Э. Таборский: «Он [Сталин] сказал, что до сих пор немцам удавалось разделять славян, сотрудничая с одной частью славян против других, а затем – наоборот. Ныне же все славяне должны объединиться. И произнес тост за всех славян и, как он буквально подчеркнул, за тех, которые воюют пока на другой стороне, вместе с немцами»⁶⁸.

Дополняет эту дневниковую запись свидетельство Э. Бенеша. Сталин говорил, обращаясь к нему: «Я никакой не панславист, я – ленинец и им останусь. Однако не будет спокойствия в мире, если не будут проведены необходимые меры против Германии и за сотрудничество славянских народов; мы должны окончательно сломить немецкий империализм, и его нельзя сломить иным способом, чем это сделано в нашем

⁶⁷ Источник. - 1997. - № 3. - С. 128.

⁶⁸ Вопросы истории. - 2001. - № 3. - С. 19.

[советско-чехословацком] договоре. Если договоримся мы и чехословаки, с нами должны договориться и поляки, и все остальные славянские народы». Комментируя данное сталинское высказывание, президент ЧСР пояснял: «Это – вещи, которым многие люди, возможно, не верили бы, но это искренние мысли: Советский Союз ничего не изменяет в своем социально-экономическом устройстве, но политически создает из своих народов славянскую империю, которая хочет договориться с чехословаками и поляками и уничтожить «Дранг нах Остен» и сделать его невозможным»⁶⁹.

Во время застолья на сталинской даче в ночь с 5 на 6 июня 1944 г. советский вождь затронул в разговоре с М. Джиласом вопрос о традиционных связях южных славян с Россией. Сталин поделился с Джиласом собственными суждениями на этот счет: «Русские цари не понимали стремлений южных славян, для них важно было империалистическое наступление, а для нас – освобождение»⁷⁰.

28 марта 1945 г., приветствуя чехословацкую союзническую делегацию, И. В. Сталин обратился к ней с большим тостом, который отразил его размышления относительно необходимости возрождения старой славянофильской идеи, но уже в новом обличи: «Теперь много говорят о славянофильстве и славянофилах. Нас зачастую сравнивают со старыми славянофилами царских времен. Это неправильно.

Старые славянофилы, например Аксаков и др., требовали **объединения всех славян под русским царем**. Они не понимали того, что это вредная идея и невыполнимая. Славянские народы имеют различные общественно-бытовые и этнографические уклады, имеют разный культурный уровень и различное общественно-политическое устройство. Географическое положение славянских народов также мешает объединению.

Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не **за объединение, а за союз** славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага – немцев.

⁶⁹ Там же. - С. 20.

⁷⁰ Джилас М. *Лицо тоталитаризма ...* - С. 62.

Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства.

Вот возьмите хотя бы две последние мировые войны. Из-за чего они начались? Из-за славян. Немцы хотели поработить славян. Кто больше всех пострадал от этих войн? Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки...Значит, больше всех страдали от немцев славяне...

Мы бьем немцев, и дело идет к концу. Но надо иметь в виду, что союзники постараются спасти немцев и сговориться с ними. Мы будем беспощадны к немцам, а союзники постараются обойтись с ними помягче. Поэтому мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов.

Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия.

Мы могли бы в Болгарии установить советский строй, там этого хотели. Но мы не пошли на это. В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства.

Заклучив союз, славянские народы могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с успехом.

Поэтому я пью за союз славянских народов»⁷¹.

В этих застольных речах Сталина, где звучали пожелания и призывы к «славянскому единству», скорее всего в завуалированной форме излагался план послевоенного устройства в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе при доминирующей роли Советского Союза. Сталинские рассуждения относительно того, что Москва вовсе не имеет желаний «навязать советский строй славянским народам», нельзя рассматривать иначе, как политическую демагогию, ибо именно представители этих народов, населявшие такие европейские страны, как Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия, в конечном счете при активном вмешательстве

⁷¹ Источник. - 1997. - № 3.

СССР на десятилетия были заключены в «социалистический лагерь».

Из славянских народов, населявших Европу, с которыми СССР в начале 1940-х гг. пошел на сближение, наиболее близкими к русским в языковом отношении были народы Югославии. В условиях, когда Германия, расчленив Чехословакию, разгромив в ходе боевых действий Польшу и Францию, включив в число своих сателлитов Венгрию, Румынию и Болгарию, стала реально угрожать советским интересам на Балканах, Сталин пошел на подписание уже упоминавшегося «Договора о дружбе и ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Югославия». При этом он выражал готовность приступить к тайным поставкам оружия и материалов для югославских вооруженных сил, а также порекомендовать югославской стороне пойти на военное соглашение с Англией, приняв и британскую помощь⁷².

На банкете в Кремле, состоявшемся после подписания советско-югославского договора, уже 6 апреля 1941 г., И. В. Сталин заявил, что присутствующим на застолье советским и югославским представителям вовсе не требуется переводчик: «Я думаю, мы здесь и так отлично понимаем друг друга». Когда же речь зашла о поставках советского вооружения югославской армии, Сталин заверил партнеров по переговорам, что не предвидит трудностей в этом вопросе, необходима лишь договоренность военных экспертов обеих сторон по данному вопросу⁷³. В этой связи он интересовался боеспособностью югославской армии, сроками, в течение которых она могла бы оказывать сопротивление германским войскам⁷⁴.

Но последовавшие события – нападение Германии на Югославию и Грецию, их сравнительно быстрая капитуляция – свели на нет надежды Сталина на то, что немцы «увязнут» на Балканах. В дальнейшем, когда Гитлер начал агрессию против СССР и образовалась антигитлеровская коалиция, Югославия вошла в число ее членов. На завершающем этапе войны, в 1944 – 1945 гг., югославские представители не раз приезжали в Москву и вели переговоры со Сталиным, которые по уже установившейся традиции сопровождались застольями.

⁷² *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным...* - С. 496.

⁷³ Новиков В. Н. Указ. соч. - С. 78-79.

⁷⁴ *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным...* - С. 496.

Весной 1944 г. в Москву прибыла миссия Национального Комитета Освобождения Югославии (НКОЮ), временного правительства страны, возглавлявшегося И. Б. Тито. Член Политбюро ЦК КПЮ М. Джилас, входивший в состав делегации, уже во время первого застолья, устроенного И. В. Сталиным на даче в честь югославов, уяснил, что тот «интересовался Югославией иначе, чем остальные советские руководители». Сталин «не расспрашивал про жертвы и разрушения», которые принесла народам Югославии германская оккупация. Его интересовало больше всего, каково внутреннее положение в стране и каковы реальные силы антигерманского повстанческого движения»⁷⁵.

Югославская сторона стремилась подчеркнуть, что выступает на равных с СССР как его союзник по антигитлеровской коалиции. В то же время, Джилас свидетельствует, что Тито, выказывая свое уважение к Сталину, как к старшему, всякий раз, когда речь заходила о положении Югославии, старался «дать отпор» в ответ на сталинские упреки. Между тем, Сталин во время ужина на своей даче в начале апреля 1945 г. намеренно поддразнивал Тито, нелестно отзываясь о боеспособности югославской армии, противопоставляя ей армию Болгарии, которая до сентября 1944 г. являлась союзницей Германии⁷⁶.

Можно предположить, что в данном случае, хотя и с запозданием, нашло проявление чувство разочарования, которое постигло Сталина в связи с быстрым поражением Югославии в апреле 1941 г. Вероятно и то, что Сталин, несмотря на теплый прием, оказанный им Тито, и на подписание договора с Югославией от 11 апреля 1945 г., не рассматривал эту страну в качестве полноправного союзника. В таком случае его поведение лишний раз подтверждало старую истину о том, что в политике считаются лишь с сильными, а на слабых смотрят с определенным недоверием и презрением.

Аналогичным образом можно попытаться объяснить и постоянные «шпильки», которые Сталин отпускал в адрес лидера другой союзной страны – Чехословакии. Сохранилась чешская запись застольной беседы, которую вели между собой Сталин и чехословацкий президент Бенеш в начале декабря 1943 г. в Москве: «Разговор стал оживленным, когда Сталин заговорил о Мюнхене и, хотя негостеприимно, но явно с

⁷⁵ Джилас М. *Лицо тоталитаризма ...* - С. 62.

⁷⁶ Там же. - С. 83-84.

продуманным умыслом, атаковал Бенеша [вопросом], почему мы [чехи – В.Н.] не сражались в сентябре 1938 года. Д-р Бенеш был несколько удивлен, но с улыбкой попытался объяснить, что представлял собой Мюнхен. Без упреков в советскую сторону... Сталин использовал мюнхенское интермеццо, чтобы похвалить чехословацкую армию. Ворошилов помог ему. Ваша армия, сказал он, была лучше, чем польская, была самой лучшей в Центральной Европе. Сталин добавил: но вы нас боялись. Тем самым он хотел сказать: боялись большевиков. Бенеш парировал: если бы мы вас боялись, так сегодня я не был бы здесь». Он пытался объяснить Сталину, почему Чехословакия в 1938 г. не вступила в войну. Э. Бенеш «хотел войны, но войны на двух фронтах». Война же с привлечением советских сил представлялась ему «войной лишь на одном фронте», а остальная «Европа только пассивно ассистировала бы и даже, возможно, помогала бы Германии»⁷⁷. Глава канцелярии чехословацкого президента Я. Смутны сделал следующий вывод: для Москвы Мюнхенское соглашение являлось «предметом постоянных размышлений». Под впечатлением побед над немецкими войсками в германо-советской войне Сталин, по мнению Смутного, внушал себе, что СССР пришел бы на помощь Чехословакии в 1938 г.⁷⁸

В советско-польских отношениях кануна и периода Второй мировой войны было много острых моментов, они отличались большим драматизмом. Достаточно вспомнить о ярко выраженном антипольском характере договоренностей между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г., о трагедии польских офицеров, расстрелянных органами НКВД в Катыни, о судьбах поляков, служивших в Армии генерала Андерса и в Армии Крайовой. В своих застольных речах на завершающем этапе Второй мировой войны, когда русские и поляки оказались союзниками, И. В. Сталин, естественно, предпочитал не вспоминать о недавних драматических перипетиях во взаимоотношениях обеих стран.

В то же время он стремился всячески очернить Лондонское эмигрантское правительство Польши. Так, во время застолья с Э. Бенешем в декабре 1943 г. он утверждал, что «люди,

⁷⁷ Вопросы истории. - 2001. - № 1. - С. 13-14.

⁷⁸ Там же. - С. 13.

руководимые лондонским правительством, стреляли в наших (советских – В.Н.) партизан»⁷⁹.

Вместе с тем, его тосты, обращенные к полякам во время совместных с ними застолий победного, 1945 г., отличались менторским, покровительственным тоном. Так, на приеме в Кремле в честь польской делегации (23 апреля 1945 г.) И. В. Сталин предложил выпить не только за Красную Армию, но и за польскую армию и за то, чтобы они вместе как следует распотрошили немцев. Провозглашая тост «за мощную польскую Армию и за большой Военно-Морской флот», он счел необходимым добавить, обращаясь к присутствовавшим полякам: «Будете иметь большую Армию и хороший военно-морской флот, все вас будут уважать. Вот тогда будете великой державой».

Сталинская здравица в честь польского крестьянства сопровождалась экскурсом в советскую историю, а также пожеланиями, которые прозвучали как директивные указания, требующие точного и неукоснительного выполнения: «Сейчас вы, поляки, ставите ставку на середняка. Это не совсем правильно. Пока у вас не поделена помещичья земля, основной фигурой, на которую нужно опираться в деревне, является бедняк. Опыт нашей революции показывает это неопровержимо. У нас в России до революции было 60-65% бедняков, т.е. крестьян безлошадных или однолошадных. Бедняк не мог прокормиться на своем хозяйстве и месяца 3-4 в году уходил на отхожие промыслы....

Середняков было 20-25% и остальные – кулаки. Значит, до 1918 г., до тех пор, пока помещичья земля не была поделена, мы ставили ставку на бедняка. Но после 18-го года в деревне стало середняков 60%, а бедняков осталось 20-25%. Значит, центральной фигурой в деревне после 1918 г. стал середняк, и мы соответственно изменили свою политику. То же, очевидно, должно произойти и у вас.

Сейчас вам надо ставку делать на бедняка. Дать беднякам хотя бы по 1-2 га помещичьей земли и года через два эти бедняки станут середняками. Тогда центральной фигурой в деревне станет середняк, на него и надо будет опираться».

Естественно, Сталин ни словом не упомянул о том, к какой трагедии привела советскую деревню политика «раскулачивания» и «коллективизации».

⁷⁹ Скорее всего, Сталин имел в виду Армию Крайову.

Наконец, затронув в своей застольной речи 23 апреля 1945 г. вопрос о деловых качествах польских рабочих и инженеров, И. В. Сталин подчеркнул наличие у них большей образованности и культурности, чем у советских, и при объяснении данного феномена даже сделал своеобразный реверанс в сторону европейцев: «Сказывается близость Запада». Почему-то он посчитал, что в Польше чуть ли не каждого польского инженера считают „вредителем“, заявив, что «это неправильно». Далее Сталин разъяснял, что, наоборот, среди инженерного состава много «честных людей, желающих работать». Следует лишь заинтересовать их: «На государственных предприятиях ...платить хорошие премии», как это практиковалось в Советском Союзе. Там же, где будут организованы польские акционерные общества, инженеров, по мнению Сталина, следовало «сделать членами этих обществ и отдавать им половину прибыли»⁸⁰.

Г. Ружаньски, припоминая спустя десятилетия содержание сталинских высказываний, прозвучавших в ходе застолья в Москве 16 августа 1945 г., привел знаменательный монолог советского вождя. Сталин назидательно разъяснял полякам, что в польской художественной литературе «часто с националистических позиций искажалась история польско-российских отношений» и что особенно много подобного рода искажений и исторических неточностей имеется якобы в романах Г. Сенкевича. Хотя Сталин не объяснил, в чем заключались «ошибки» этого польского писателя, он счел необходимым привести в пример Б. Пруса, который писал не с националистических, а «с общечеловеческих, гуманистических позиций». Очевидно, на сей случай у него существовала «домашняя заготовка». По свидетельству Г. Ружаньского, И. В. Сталин тут же привел «по памяти» какой-то отрывок из романа Б. Пруса «Кукла»⁸¹.

Приведенные в данной статье исторические свидетельства и факты, естественно, не позволяют со всей полнотой раскрыть вопрос о том, каким образом «азиат Сталин» воспринимал «европейский Запад», каковы были его истинные чувства к европейцам. Но и те источники, которые привлечены нами, позволяют более объективно судить о характере государственного мышления Сталина, об истоках его «европофобии» и об

⁸⁰ Источник. - 1997. - № 5. - С. 129.

⁸¹ H. Różański, *Śladem wspomnień i dokumentów...* s. 329-330.

осознании им его собственного места в решении коренных европейских проблем 30-х – 40-х гг. XX века.

В то же время имеется вполне определенная перспектива дальнейшего, более углубленного изучения вопроса. В частности, откровения, которые Сталин позволял себе в неофициальной обстановке, в ходе застолий, и которые зафиксированы в сохранившихся источниках, можно попытаться сравнить с официальными документами, привлечь дополнительно обширную мемуарную литературу. Определенные надежды автор данной статьи связывает и с возможностью пополнения источниковой базы исследования за счет архивных материалов из личного фонда Сталина, которые стали широко доступными для историков буквально в конце XX века.

В заключение, в качестве иллюстрации, хотелось бы привести отрывок из одного документа, хранящегося в личном сталинском фонде. 14 марта 1946 г. было опубликовано интервью И. В. Сталина корреспонденту газеты «Правда», в котором в резких выражениях давалась отповедь на известную фултоновскую речь У. Черчилля. Сталин, в частности, заявил в своем интервью, что Черчиллю хотелось бы видеть во главе Польского государства Соснковского и Андерса, которые были названы советским вождем «господами из фашистской подворотни»⁸².

В тот же день из секретного отдела Телеграфного Агентства Советского Союза в Кремль поступила информация под заголовком «Генерал Андерс об интервью товарища И. В. Сталина». В документе пересказывалось, со ссылкой на сообщение агентства Рейтер из Лондона, заявление генерала В. Андерса. Андерс, в частности, утверждал: «...Сталина, очевидно, вынудили играть роль «Русского Гинденбурга» – престарелого германского президента, который после прихода Гитлера к власти был отодвинут на задний план еще до своей смерти». «Я хорошо знаю Сталина, – заявлял далее Андерс, – и мысли и слова, выраженные в интервью (корреспонденту газеты «Правда» – В.Н.) – это не слова старого Сталина». Андерс отметил, что у него «нет никаких политических стремлений» и счел необходимым напомнить: «когда он командовал польскими войсками в России в 1941–1942 гг., Сталин неоднократно расспрашивал его о его послевоенных планах, в

⁸² Правда. - 1946. - 14 марта.

то время как они «обедали и выпивали». «Я ответил ему, – продолжал Андерс свои воспоминания, – что у меня две цели – во-первых, получить обратно 15 лошадей, которых немцы у меня отняли, и снова открыть мои беговые конюшни; во-вторых, на короткое время быть назначенным генерал-губернатором Восточной Пруссии..., чтобы разрешить германскую проблему в этой провинции».

По свидетельству В. Андерса, приведенному в цитируемом документе, в ответ на подобное заявление, сделанное, очевидно, в ходе застолья, И. В. Сталин «вскочил на ноги, похлопал его по спине и воскликнул: «Браво, браво! Я буду поддерживать вас в пределах возможностей». После этого Сталин подарил Андерсу «двух чистокровных лошадей» для его «будущих конюшен».

В конце своего заявления, пересказанного ТАСС'ом, В. Андерс якобы с сожалением подчеркнул: «Мне очень жаль старика (Сталина – В. Н.) – он определенно переменялся»⁸³.

О том, как отреагировал Сталин на это заявление, история умалчивает.

⁸³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп.11. Д. 1127. Л.118.